

С. Н. Терпигорев

Первая охота

Русский охотничий рассказ / Сост., авт. предисл. и примеч. М. М. Одесская.-- М.: Советская Россия, 1991.

[OCR Бычков М. Н.](#)

I

Это было в 1853 или 54 году, летом, так, должно быть, в последних числах августа. В это время у нас поспевают уже конопля и ее можно есть, то есть можно нагнуть головку, намять семечек и жевать их: это довольно вкусно -- что-то вроде молодых орехов... Ниже будет понятно, почему я запомнил, что конопля тогда была уж спелая...

Мне было в то время лет девять или десять. Я начал себя помнить очень рано -- лет с шести. Я бы сказал -- еще раньше, да боюсь, не примешиваются ли тут к воспоминаниям слышанные в детстве рассказы. Рассказ произвел впечатление, детское воображение облекло его в образы; эти образы -- чаще всего страшные, грозные -- жили, пугали, вызывали страх, любопытство, сжились и так остались в памяти. У людей, которые в детстве были нервными и впечатлительными, это -- сплошь и рядом.

Но уж девяти или десяти лет кто ж себя не помнит? У меня в это время были две гувернантки и два гувернера, и свадьбу одного гувернера с одной из гувернанток, случившуюся как раз в это же время, я помню отлично со всеми подробностями. Так же хорошо и отчетливо я помню вот и это событие, о котором буду сейчас рассказывать.

Я право не знаю, вычитал ли это отец из книг каких или дошел до этого сам своим умом, но им было постановлено, чтобы я начал учиться читать и писать не раньше двенадцати лет. Матушка была против, и это даже огорчало ее.

-- Но, в таком случае, мой друг, для чего же ты хочешь, чтобы у него было два гувернера и две гувернантки? -- говорила она.

-- Откуда же это: у него? Гувернантки для Сони, а вовсе не для него. Для него одни гувернеры.

-- Зачем же их двух? Разве один не может?

-- Нет, не может... Прежде всего, гувернер -- кто? Ты подумай, что ты говоришь...

Он остановился и смотрел на матушку. Она тоже поднимала на него глаза:

-- Как кто?

-- Да, кто он такой?

-- Ну, француз, немец.

-- А француз или немец разве не человек?... Она пожимала плечами.

-- Кто ж об этом спорит?

-- Ты споришь.

-- Я?... Ты бог знает что говоришь...

-- Нет, это ты, душа моя, бог знает что говоришь. Это ты не хочешь понять, что гувернер человек...

Отец медленно вынимал из кармана шелковый, фуляровый носовой платок, потом, из другого кармана, золотую табакерку, производил "операцию" не спеша, молча, улыбаясь, и только когда все бывало уж кончено, объяснял свою мысль. Это он всегда так делал. Сперва скажет что-то в роде загадки, сделает несколько замечаний по поводу того, что "спрашивать и отвечать надо всегда подумавши", потом, как бы давая время на размышления, займется "операцией" и уж после всего этого -- объяснение, ключ.

-- Ну, так как же? Гувернер -- человек?

-- Ах, что ты говоришь! Ну, разумеется.

-- Ты не тревожься, не горячись... Если он человек -- может он устать? Нужен ему отдых?

-- Нужен.

-- Ну, и все ясно... Теперь ты понимаешь, для чего нужен второй.

И он, в это время, довольный, тонко улыбался, а если, кроме матушки, присутствовал кто-нибудь